

IV МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ «ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС» (МГУ, 19–20 МАРТА 2015 Г.)

Конференция «Текстология и историко-литературный процесс» проводится на филологическом факультете МГУ уже в четвертый раз. В этом году в ней приняли участие исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска, Одинцова, Тарту и Венеции; удалось продемонстрировать, насколько эффективным является сочетание историко-литературного и текстологического подходов. Собственно текстологических докладов в этом году было много даже по сравнению с предыдущими; это можно понять как проявление все возрастающего стремления участников давать точные ответы на вопросы, которые ставит перед ними объект исследований. Ряд выступлений показал, что конференция, не теряя своего статуса теоретической площадки для молодежи, становится своеобразной лабораторией по обсуждению живых издательских проектов.

Организаторы представили очередной сборник работ, написанных по итогам конференции прошлого года¹⁴.

В программу была включена лекция специальных гостей: старшего преподавателя факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ А. С. Бодровой и сотрудника ИРЛИ РАН, старшего преподавателя кафедры истории русской литературы СПбГУ К. Ю. Зубкова, посвященная вопросам взаимоотношений редакторов толстых журналов XIX в. и их цензоров. В частности, Бодрова на материале дневника редактора «Москвитянина» М. П. Погодина и его переписки с цензорами Н. И. Крыловым и В. П. Флеровым продемонстрировала, какие сложности могли возникать у обеих сторон при цензуровании журнала. Так, период сотрудничества с Флеровым был одним из самых тяжелых в редакторской практике Погодина, из-за постоянных претензий со стороны цензора Погодин даже думал о том, чтобы перенести издание своего журнала

---

¹⁴ Текстология и историко-литературный процесс: III Международная конференция молодых исследователей. Сборник статей / Под ред. Л. А. Новицкас, А. Н. Першкиной, А. С. Федотова. М., 2015. 160 с. Полная электронная версия сборника доступна на сайте конференции «Текстология и историко-литературный процесс» (<http://tekstologia.jimdo.com>) и на сайте кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ (<http://www.philol.msu.ru/~istlit>).

из Москвы в Петербург. Цензор Крылов, благожелательно относившийся к Погодину и его «Москвитянину», сам неоднократно испытывал трудности при чтении журнала. Ему было тяжело совмещать должность профессора римского права в Московском университете и работу цензора, на что он неоднократно, но тщетно пытался намекнуть Погодину. Зубков на нескольких примерах пытался показать, что в журнале XIX в. отдельные роли (редактора, цензора, критика и автора) соотносились самым разным образом. Так, цензоры могли принимать решения на основании не соответствующих законов, а мнения литературных критиков. Например, цензорское заключение об одной из статей Ап. Григорьева представляет собою почти дословную цитату из резко критической статьи П. Н. Кудрявцева о другом сочинении Григорьева. В другом примере речь шла о том, как редактор «Москвитянина» М. П. Погодин напечатал резкий отзыв о стихотворении того же Григорьева «Искусство и правда», впервые опубликованном в том же самом журнале. В реальном литературном процессе издание толстого литературного журнала определялось не выполнением отдельными людьми предписанных им в структуре этого журнала ролей, а постоянным развитием и сменой этих позиций.

Традиционно первыми из участников выступили специалисты по Древней Руси.

Дарья Манежина (Москва) обратилась к краткому переводному хронографу «Летописец вскоре» патриарха Никифора, дошедшему в составе Синодальной Новгородской кормчей 1282 г. В центре внимания докладчицы оказалась оригинальная славянская часть памятника, в частности ее соотношение с переводной. Сравнив языковые особенности обеих частей, исследовательница показала, в чем русский книжник следует греческому образцу, а в чем отходит от заданной оригиналом структуры.

В докладе Натальи Демичевой (Москва) были проанализированы тексты Псковской II и Псковской III летописей о новгородском походе Ивана III 1471 г. и выявлена специфика псковской точки зрения на события. В центре повествования оказываются посольства москвичей и новгородцев по Псков, поход Ивана III не легитимизируется (в отличие от московских произведений), внимания внутренним разногласиям новгородцев уделяется мало (в отличие от новгородской повести). Докладчица отметила, что псковские авторы придерживаются нейтральной манеры, поскольку псковичи, выступившие в московско-новгородском

конflikте на стороне Ивана III, стремились все же сохранить хорошие отношения с Новгородом.

Основным объектом исследования Натальи Котовой (Москва) стало Пересопницкое Евангелие. После краткого экскурса в теорию библейского перевода от античности до XVII в. ею были рассмотрены литургическое оформление рукописи, лексический состав основного текста, глоссы, в которых сводятся воедино несколько чтений. Докладчица доказала, что на каждом из этих уровней церковнославянские элементы оригинала вступают во взаимодействие с элементами других систем – некнижной (украинской) и книжной (западнославянской, отражающей в конечном итоге латинский текст): переводчики делали текст «функционально» близким читателю.

Ольга Кузнецова (Москва) предприняла попытку историко-литературного комментария к виршам Петра Самсонова, автора, относимого к приказной школе стихотворства. Удалось реконструировать неизвестные эпизоды его биографии (связь со стихотворцем Михаилом Роговым, с Григорием Отрепьевым, опала), круг общения — имена учеников, друзей и покровителей. Особое внимание в выступлении было уделено трем неопубликованным посланиям, одно из которых исследователи ошибочно считали редакцией изданного ранее. Докладчица отметила новаторство П. Самсонова в использовании стихотворных формул, их переработке и в свободной интерпретации категорий средневековой культуры.

Андрей Соловьев (Петербург) рассказал о документе из наследия И. А. Второва, писателя рубежа XVIII–XIX вв. Рукопись, хранящаяся в РГАЛИ, представляет собой подшивку сочинений (автографов и копий) самого Второва и его друзей самарского периода биографии писателя (А. Ф. Фурмана, Ф. И. Германа, Н. А. Литвинова), содержит разнородный, но не механически собранный материал, насыщенный сквозными темами и образами. Возникновение документа, как показал докладчик, можно связать с разными традициями рукописной литературы: от литературных сборников XVIII в. до формировавшейся альбомной культуры. Самопрезентация провинциального литературного сообщества строилась в рамках общих тенденций развития литературы первой половины XIX в. Привлечение возможно большего числа подобных источников необходимо для изучения провинциальной литературной жизни этого времени, поскольку она еще в меньшей степени, чем столичная, сводится к печатной форме бытования.

Доклад Марии Дорожкиной (Одинцово) был посвящен вопросам сотрудничества беллетристки Е. А. Ган (1814–1842), известной под псевдонимом Зенеида Р-ва, с редактором журнала «Библиотека для чтения» О. И. Сенковским. Последний часто радикально перерабатывал сочинения своих сотрудников, в том числе, как убедительно показала исследовательница, и Ган. Анализ повести «Идеал» позволил установить, что именно в тексте журнальной публикации написано Ган, а что — Сенковскому. Исследовательница пришла к выводу, что правка редактора не меняла сути произведения, была направлена на детализацию, но в некоторых случаях создавала комический эффект, неуместный в романтической повести.

Наталья Сарана (Москва) попыталась реконструировать литературный и публицистический контекст, в котором создавался роман М. М. Филиппова «Осажденный Севастополь»: были учтены главным образом русские и английские сочинения о Крымской войне. Основным источником романа, написанного в конце XIX в., стали газетные и журнальные публикации, мемуары участников, а также личные беседы писателя с ветеранами. Определенное влияние на М. М. Филиппова, как убедительно было продемонстрировано, оказали «Севастопольские рассказы» и «Война и мир» Толстого.

Алексей Козлов (Новосибирск) в докладе «Травелоги “Русского вестника” 50-х годов: динамика и прагматика» представил анализ сравнительно короткого периода в истории журнала: показано, что именно определяется характер издания. Наряду с программными статьями Каткова в это время большую роль играют путевые очерки задача которых заключается не только в расширении читательских горизонтов, но и формировании идеологических альтернатив. Сравнение травелогов П. Н. Кудрявцева и Н. В. Берга позволило продемонстрировать своеобразную динамику, определяющую дальнейшую историю путевых очерков и тяготеющих к ним форм «Русского вестника».

Анна Грачева (Петербург) говорила о личной библиотеке А. Ф. Вельтмана и показала, как она отражает разносторонние интересы писателя: в ней 1500 томов, из них сочинений на иностранных языках (шестнадцати) около 400. Обращение к инскриптам, маргиналиям, рисункам, пометам пояснило некоторые факты биографии Вельтмана.

Елена Шкапа (Петербург), сравнивая трилогию Лескова «Отборное зерно» с его рассказом «Московское приведение», установила, что у образа «барина» из «Отборного зерна» и «первача» из «Московского

приведения» был один прототип – Генрих Шлиман, немецкий археолог-самоучка и предприниматель, который составил большое состояние, в том числе за счет торговых махинаций во время Крымской войны. Внимание Лескова к деятельности Шлимана подтвердила записная книжка писателя, свидетельствующая о том, что Лесков был возмущен публикацией в 1891 г. в детском журнале «Игрушечка» статьи об открытиях Шлимана.

Ольга Овчарская (Петербург) в докладе «"Малая пресса" как массовая литература: шаблон, повтор, автоповтор» продемонстрировала механизмы появления общих мест в юмористической журнальной и газетной прозе второй половины XIX в.: это было обусловлено как внешними (цензура, уровень читательской аудитории, стремление к актуальности, «календарная» тематика), так и внутренними причинами (ограниченный набор жанров, построенных по четкой схеме, устойчивый репертуар приемов создания комического). Особым случаем повтора является автоповтор: постоянное воспроизведение шаблонного выражения и повторение характерных шуток и авторских «словечек», по которым можно даже атрибутировать текст.

Кристина Сарычева (Москва) описала принципы создания посмертных изданий стихотворений Тютчева, вышедших в период с 1879 по 1900 гг.: «Новонайденные стихотворения Ф. И. Тютчева» (под ред. И. С. Аксакова, 1879), «Стихотворения Ф. И. Тютчева» (под ред. П. И. Бартенева, 1883), «Сочинения Ф. И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи» (подгот. Эрн. Ф. Тютчева, 1886), «Стихотворения Ф. И. Тютчева» (под ред. П. И. Бартенева, 1886), «Стихотворения Ф. И. Тютчева» (под ред. П. И. Бартенева, 1899), «Сочинения Ф. И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи» (подгот. И. Ф. и Д. Ф. Тютчевы, 1900). Согласно наблюдениям исследовательницы, принципы изданий произведений Тютчева демонстрируют различия в восприятии его поэзии: Аксаков, Эрн. Ф. Тютчева, И. Ф. и Д. Ф. Тютчевы следовали «пушкинской» линии восприятия, предложенной еще в 1850-х гг. Некрасовым и Тургеневым, а П. И. Бартнев встраивает поэта в иной литературный ряд, сравнивая его с Шиллером, Гете, Гейне. Этой линии впоследствии придерживался Брюсов, сотрудничавший с П. И. Бартневым в конце 1890-х и начале 1900-х гг.: рассуждения о поэзии Тютчева Брюсов строил, соотнося ее с немецкой поэтической традицией.

Доклад Елены Глуховской (Петербург) был посвящен сотрудничеству поэта Эллиса с символистским книгоиздательством «Муса-

гет» (1909–1917): неопубликованные письма Эллиса, Э. К. Метнера и Н. П. Киселева позволяют уточнить историю последнего года существования книгоиздательства и пояснить некоторые подробности эмигрантской жизни Эллиса этого периода и его участия в отстаивании интересов «Мусагета» и защиты русского символизма от антропософии.

Александра Пахомова (Петербург) выступила с докладом «Как (не) издавать Игоря Бахтерева». Согласно наблюдениям исследовательницы, отличительной особенностью творчества И. Бахтерева (участника группы ОБЭРИУ и других авангардных объединений) является наличие большого числа рукописей, каждая из которых представляет собой самостоятельную версию произведения. На примере стихотворения «<Варвара>» была поставлена проблема текстологии авангардных произведений. К ее особенностям Александра Пахомова отнесла изменение отношений между текстом и его материальным источником, исчезновение (нерелевантность) понятия «основной текст», а также вариативность текста, возведенную автором в принцип.

В докладе «“Каменный цветок”, “Горный мастер” и “Хрупкая веточка” П. П. Бажова как объект текстологического анализа» Александра Комадей (Екатеринбург, Петербург) рассказала о работе над Академическим собранием сочинений писателя. В ходе анализа черновых и беловых автографов, рукописных и машинописных копий, а также прижизненных и посмертных публикаций сборника «Малахитовая шкатулка» были установлены механизмы развития и претворения художественного замысла. Изначально Бажов задумывал рассказать историю становления одного мастера-малахитчика, а получилась хроника семьи. Сводные таблицы, в которые были включены варианты финалов сказов из «Малахитовой шкатулки», помогают увидеть, на каком этапе Бажов задумывает «продолжение истории».

В сообщении Артема Шели (Тарту) рассматривался мотив ядовитого запаха «горького миндаля», повторяющийся в ряде текстов Блока 1909–1910 гг. Реальный комментарий позволил прояснить двусмысленность концовки стихотворения «Здесь в сумерки в конце зимы»: упоминающийся в его финале «горький» запах – это одновременно и духи ушедшей героини, и яд (цианистый калий). Ядовитый запах миндаля актуализируется у Блока в связи с кометами 1910 г.: Большой январской кометой и майской Галлеей. Под впечатлением от слухов о циане, обнаруженном в их хвостах, Блок модифицировал образа кометы-Незнакомки в своей поэзии.

Доклад Аллы Бурцевой (Москва) «Особенности стилизации в историческом романе Андрея Платонова» был посвящен неоконченной рукописи «Македонский офицер» с подзаголовком «Роман из ветхой жизни»: транскрипция рукописи указывает на общую тенденцию к архаизации повествования, что вполне соответствует замыслу романа, исторически и культурно не имеющего никакого отношения к СССР. Ряд конструкций, которые традиционно считаются специфичными для прозы Платонова, оказываются также средством архаизирующей стилизации. Этой тенденции противостоит иная – типичный для Платонова стилевой сбой, в частности, наслоение советизмов. За счет столкновения двух тенденций происходит стилевой сбой, неясно, сознательный или нет.

В сообщении Алсу Акмальдиновой (Москва) «Об одном структурном принципе английской поэзии, посвященной Кромвелю» были разобраны два стихотворения: «Панегирик» Эдмунда Уоллера и «Элегия, написанная на сельском кладбище» Грея. Созданные с интервалом в столетие, относящиеся к разным жанрам, они, однако, объединены общим структурным принципом, который можно определить как принцип концентрического усложнения. Его использование напрямую связано с темой, возникающей в обоих текстах, – темой необычной судьбы Кромвеля. В стихотворениях Уоллера и Грея, прославляющих героическую, исключительную участь и тихое, незаметное существование соответственно, обращение к одному принципу преследует противоположные цели.

Доклад Алессандро Фарсетти (Венеция) был посвящен интерпретации стихотворения «Меркаба» футуриста Ивана Аксенова, эллиптические стихи которого обычно построены подобно внутреннему монологу: это коллаж из наблюдений лирического героя, без явных причинно-следственных связей. Такая структура господствует в его первом сборнике «Неуважительные основания» (1916). Особое место в нем занимает «Меркаба», посвященная трагическим событиям Первой мировой войны. Хотя способ изложения здесь существенно не отличается от других текстов сборника, семантическая стратегия несколько иная: алогичность речи не только передает особенности внутреннего монолога, но и передает парадоксальность веры в конечную победу Российской империи в войне, несмотря на критическую ситуацию 1915 г. Бредящий лирический герой вспоминает о Ярославе Мудром, потерпевшем поражение от Святополка, но год спустя победившем

«окаянного» брата; так русские войска, проигравшие немцам сражение на Буге в 1915 г., ждет успех.

В докладе «Ф. Сологуб и В. Брюсов – переводчики П. Верлена: сотрудничество или соперничество?» Вера Филичева (Петербург) представила историю взаимовлияния двух мастеров, проходившую без выраженной явно полемики или взаимодействия. Оба автора начали работу над переводами стихов Верлена независимо друг от друга, почти одновременно (в 1893 г.) и подходили к ней с разными стратегиями. Оба издали по две книги переводов французского поэта с большими перерывами (Брюсов – в 1894 и 1911; Сологуб – в 1908 и 1923), что дало основания предположить влияние опыта «соперника» на изменение структуры книг. Сологуб дважды предлагал свои услуги Брюсову, однако тот избегал сотрудничества – и при редактировании Сологубом второй книги переводов Брюсова в 1911 г., и в предложенном им же сборнике Верлена для «Всемирной литературы» в 1918 г. Однако, как показал докладчик, Брюсов и Сологуб не могли не учитывать опыт друг друга и реакцию критики, что отразилось в построении книг 1911 и 1923 гг.

Петр Будрин (Москва, доклад «“Щедры ли мы, как другие бывают могущественны”: “Сентиментальное путешествие” Лоренса Стерна в переводах Надежды Вольпин и Адриана Франковского») сравнивал методы работавших примерно в одно и то же время переводчиков, сопоставляя наборные экземпляры двух переводов «Сентиментального путешествия» (РГАЛИ, фонд Гослитиздата) и английский подлинник. При подготовке своего перевода для печати А. Франковский вынужден был сверять сделанную работу с уже вышедшим переводом Н. Вольпин, чтобы избежать прямых совпадений. При этом, как выясняется, принципы, которыми руководствовались переводчики, отличались: Н. Вольпин пыталась «оркестровать» сумбур и невнятицу, о которых любили и любят рассуждать интерпретаторы Стерна, а А. Франковский, напротив, старался придать тексту большую рассудительность и «абстрактность».

Анастасия Сысоева (Петербург) в докладе «Судьба повести И. Ф. Кратта о Дороге жизни» рассказала о работе писателя и военного корреспондента, участвовавшего в трех войнах, жителя блокадного города, над повестью «Суровый берег» (ранний вариант названия — «На Ладогге»), начиная с записей бесед с бойцами, датированных зимой – весной 1945 г., и заканчивая тремя изданиями произведения в 1947 г.

Судя по правке, внесенной в машинопись и последнее переиздание, писатель последовательно смягчал звучание повести, сокращая сложные с цензурной точки зрения моменты — описание страданий осажденного города, мародерства и проч. Но Крафт не убрал все упоминания о голоде и множестве потерь, а тема блокады в свете сформированного в 1949 г. «Ленинградского дела» стала неудобной. Именно поэтому, по соображениям исследовательницы, книга попала в число запрещенных и изъятых из библиотек. После 1947 г. она не перепечатывалась.

Любовь Лукашенко (Москва) говорила о стихотворении Пастернака «Вакханалия», своего рода «поэтическом памятнике», где, в частности, переданы впечатления от репетиций мхатовской постановки «Мариин Стюарт» Шиллера в пастернаковском переводе (1957); предложенная интерпретация произведения сближает его с основными идеями «Доктора Живаго».

Екатерина Деревяга (Петербург) описывала сохранившиеся в римском архиве Вяч. Иванова рукописные материалы, связанные с работой над сборником «Свет вечерний» (опубл. в 1962 г.), и в особенности циклом «Римский дневник». Рассматривалась авторская правка двух стихотворений — шестого и седьмого текста сентября, были проанализированы варианты и основной текст с точки зрения поэтики Вяч. Иванова, его стилистической манеры и важных для него контекстов.

Екатерина Кузнецова (Москва) представила результаты изучения концепта «чаша из черепа» в языке русской поэзии XIX–XX вв.: он впервые зафиксирован в авторской сноске к стихотворению А. Ф. Мерзлякова «Мячковский курган» 1805 г., в дальнейшем к нему обращались такие авторы, как Рылеев, Батюшков, Пушкин, Бенедиктов, Некрасов, Брюсов, Зенкевич, Хлебников, Гумилев, Мандельштам, Маяковский, Кузнецов и др. Были выявлены четыре группы основных источников образа: сказание об обычае скифов почитать своих предков в «Истории» Геродота, повествование о смерти князя Святослава, ставшее общеизвестным благодаря Карамзину, «Гамлет» и стихотворение Байрона «Надпись на чаше из черепа», скандинавская традиция.

В докладе Полины Федотовой (Москва) было предложено сопоставление произведений современного писателя-деревенщика Б. П. Екимова «Гнедой» (1994) и «Охота на хозяина» (2002) с рассказом Шукшина «Думы» и «Царь-рыбой» Астафьева соответственно: осуждается сопоставимость стиля, сюжета и мотивов.

Л. А. Новицкас, А. Н. Перикина, А. С. Федотов

Л.А.Новицкас, А.Н.Першкина, А.С.Федотов

Сведения об авторах:

Новицкас Любовь Александровна, кандидат филол. наук. E-mail: novitskasla@mail.ru

Першкина Анастасия Николаевна, кандидат филол. наук. E-mail: dostoevsk@mail.ru

Федотов Андрей Сергеевич, кандидат филол. наук, преподаватель кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: anfed86@gmail.com.